

мас.
27034

с. 2.

Тенущая литература.

Новые рассказы А. Чехова: „Человѣкъ въ футлярѣ“, „Крыжовникъ“, „О любви“ („Р. М.“, №№ 7—8).

I.

Г. Чеховъ—писатель безыдейный; это у насъ рѣшено и подписано. Тѣмъ не менѣе, когда выходитъ новый рассказъ г. Чехова, онъ первый разрѣзается въ книжкѣ журнала, прежде всего читается и производитъ такое сильное впечатлѣніе на читателя, такъ настраиваетъ его, подымаетъ въ немъ рядъ новыхъ мыслей и соображеній, какъ не дѣйствуютъ много изъ такъ пазываемыхъ идейныхъ произведеній, авторы которыхъ надуваются изъ всѣхъ силъ, чтобы провести какую-нибудь глубокомысленную идею, и ничего не проводятъ, кромѣ азбучныхъ прописныхъ истинъ, въ родѣ: „праздность—есть мать всѣхъ пороковъ“ или „и нодъ шубой овечьей—душа человѣчья“.

Вотъ и появившіеся нынѣ въ „Русской Мысли“ три вышеозначенные рассказа г. А. Чехова, навѣрно, успѣли уже прочтаться всею грамотною Русью съ такою же жадностью, съ какою нѣкогда проглатывались новыя рассказы Тургенева или Льва Толстого; и опять-таки никакихъ прописныхъ азбучныхъ истинъ читатель изъ этихъ рассказахъ не найдетъ, а, тѣмъ не менѣе, весь мыслительный аппаратъ читателя будетъ приведенъ въ движеніе этими маленькими рассказиками не менѣе прежнихъ произведеній г. А. Чехова.

II.

Чѣмъ же потрясаютъ насъ вышеозначенные рассказы г. Чехова? Представьте себѣ, именно тѣмъ самымъ, что ставятъ мудрые цѣнители и судьи г. Чехову въ вину, но что составляетъ главное достоинство его: именно—безыдейность, но безыдейность не самихъ его произведеній, а той жизни, которую изображаетъ г. Чеховъ. Мудрые и строгіе цѣнители удались въ этомъ отношеніи въ тотъ самый пошлый и плоскій обманъ, въ

какой впадаетъ очень часто уличная толпа, оцѣнивающая художественныя произведенія, изображающія отрицательныя и уродливыя явленія жизни: явленія эти отождествляются съ авторомъ, и толпа наивно думаетъ, что авторъ потому и изображаетъ нелѣпныхъ уродовъ, что самъ онъ—такой же уродъ. Такъ, въ старину весьма многіе, не исключая и литературныхъ Аристарховъ, воображали, что Гоголь не почему-либо нину изображаетъ грязь и пошлость обывденной жизни, какъ лишь потому, что самъ онъ человѣкъ грязный, пошлый и тривіальный. То же самое происходитъ и съ г. А. Чеховымъ. Въ большинствѣ своихъ произведеній онъ рисуетъ передъ нами жизнь дѣйствительно безыдейную, безсодержательную, лишенную всякой разумной цѣли, а подчасъ и всякаго человѣческаго смысла. Но слѣдуетъ-ли изъ этого, чтобы самыя произведенія или ихъ авторъ, въ свою очередь, были лишены всякаго идейнаго содержанія и человѣческаго смысла? Сказать это можно было бы лишь въ такомъ случаѣ, если бы авторъ относился къ изображаемымъ пошлымъ явленіямъ какъ къ чему-то нормальному, заслуживающему полнаго уваженія. А между тѣмъ, мы видимъ, что каждая строка въ произведеніяхъ г. А. Чехова вопіетъ противъ безобразія приводимыхъ авторомъ фактовъ и, устами Ивана Ивановича, одного изъ героев послѣднихъ рассказовъ, г. Чеховъ внушаетъ читателямъ:

— Но успокойтесь, не давайте усныпять себя, дѣлайте добро! Пока молоды, сильны, бодры, не уставайте дѣлать добро! Счастья нѣтъ и не должно его быть, а есть жизнь, и если она имѣетъ смыслъ и цѣль, то смыслъ этотъ и цѣль во-все не въ нашемъ счастьѣ, а въ чемъ-то болѣе разумномъ и великомъ. Есть жизнь, есть нравственный законъ, высшій для насъ законъ... дѣлайте добро!

Но этого-то высшаго смысла и не видитъ г. Чеховъ въ окружающей его жизни. Никто и не думаетъ о

2

совершенн хоть маленькаго добра, а каждый о томъ только и помышляетъ, чтобы добиться какого-нибудь счастья, и счастья подчасъ такого мелкаго, пошлаго, дряннаго, что становится жалко человека, странно за него и въ то же время гадко. И все-таки это еще самое лучшее, что встрѣчается въ жизни, а за нимъ открываются нередъ вашими глазами мутныя бездны лжи, коварства, притѣсненій и злодѣйствъ.

— Видѣть и слышать, какъ лгутъ, говорить тогъ же Иванъ Ивановичъ,—и тебя же называютъ дуракомъ за то, что ты терпишь эту ложь, сносишь обиды и униженія, не смѣешь открыто заявить, что ты на сторонѣ честныхъ открытыхъ людей, и самому лгать, улыбаться,—и все это изъ-за куска хлѣба, изъ-за пошлаго угла, изъ-за какого-нибудь чинишка, которому грошъ—цѣна,—нѣтъ, больше жить такъ невозможно.

Если подобный горькій протестъ противъ безидейности, безсодержательности и пошлости окружающей насъ жизни вычитаете безидейнымъ и безсодержательнымъ, то вамъ и книги въ руки. Это показываетъ только, что вы очень и очень мудры.

III.

Вотъ и въ трехъ повѣстныхъ рассказикахъ г. Чехова мы видимъ все тогъ же горькій протестъ, какими преисполнены и все прейшнія его произведенія.

Рассказики, совершенно различные по своему содержанию, имѣютъ, повидимому, одну вѣшнюю связь, заключающуюся въ томъ, что гдѣ-то въ провинціальной глуши, занимаются охотою два прѣтеля,—ветеринарный врачъ Чинша Гималайскій и учитель гимназій Павелъ Константиновичъ Буркинъ,—и во время своихъ странствій, приваловъ и почтовыхъ ведутъ разговоры о тѣхъ высшихъ вопросахъ жизни, о которыхъ любятъ потолковать на досугъ русскій человекъ, и разговоры эти иллюстрируютъ соответствующими рассказами. Но, при всемъ разнообразіи этихъ рассказовъ, они все-

таки имѣютъ нѣчто общее, связывающее ихъ крѣпкою связью, заключающеюся въ томъ меланхолическомъ настроеніи автора, какимъ исполнены рассказы,—настроеніи, обуславливавшемся зрѣлищемъ пустоты и безсодержательности нашей жизни и всякаго рода нравственныхъ уродствъ, встрѣчающихся на каждомъ шагу ея безтолковой сутолоки.

Бессодержательность и пошлость эти не такъ замѣтны въ центрахъ просвѣщенія; онѣ терпятъ въ шумѣ и гамѣ столичной жизни, которая можетъ обмануть зрителя, представивъ своимъ вѣчнымъ шумомъ и движеніемъ зрѣлище словно какъ-бы чего-то грандіознаго, исполненнаго великаго историческаго содержанія. Но стоитъ забраться въ какую-нибудь провинціальную глушь и передъ вами сразу, во всемъ безобразіи предстанетъ мертвый застой скотоподобнаго прозябанія, лишеннаго малѣйшаго разумнаго смысла;—и на каждомъ шагу вы будете встрѣчать такіе страшные искаженія человѣческаго образа, что вамъ будетъ жутко и невольный ужасъ овладѣетъ вами.

Вотъ въ такую-то глушь и ведетъ насъ авторъ.

IV.

Герой перваго рассказа, Бѣликовъ, является чрезвычайно типичною личностью. Можно навѣрно сказать, что каждый изъ насъ видѣлъ по нѣскольку экземпляровъ подобнаго типа. Бѣликовъ былъ учитель греческаго языка, причемъ былъ замѣчательно тѣмъ, что всегда, даже въ очень хорошую погоду, выходилъ въ калошахъ и съ зонтикомъ и непременно въ тепломъ пальто на ватѣ; и зонтикъ былъ у него въ чехлѣ, и часы въ чехлѣ изъ сѣрой замши, и когда вынималъ перочинный ножъ, чтобы очинить карандашъ, то и ножъ у него былъ въ чехольчикѣ и лицо, казалось, тоже было въ чехлѣ, такъ какъ онъ все время пряталъ его въ поднятый воротникъ. Онъ носилъ темныя очки, фуфайку, уши закладывалъ ватой и когда садился на извозчика, то приказывалъ поднимать верха. Однимъ

См. Нотки

3

словомъ, у этого человѣка наблюда-лось постоянное непреодолимое стремленіе окружить себя оболочкой, создать себѣ футляръ, который за-щитилъ бы его отъ вредныхъ влія-ній. Дѣйствительность раздражала его, пугала и, чтобы оправдать свою робость, отворачивался къ настоящему, онъ всегда хвалилъ прошлое и то, чего никогда не было, такъ что и древніе языки, которые онъ преподавалъ, были для него тѣми же фут-лярами, куда онъ прятался отъ дѣй-ствительности.

И мысль свою Бѣликовъ также старался спрятать въ футляръ. Для него были ясны только циркуляры и газетныя статьи, въ которыхъ за-прещалось что-нибудь; въ разрѣше-ніи же и позволеніи скрывался для него всегда элементъ сомнительный, что-то недосказанное и смутное. Когда въ городѣ разрѣшали драма-тический кружокъ, читальню или чайную, онъ покачивалъ головой и говорилъ тихо:—оно, конечно, такъ-то такъ, все это прекрасно, да какъ бы чего не вышло.

Всякаго рода нарушенія, укло-ненія, отступленія отъ правилъ при-водили его въ уныніе. Если кто изъ товарищей опаздывалъ на молебень или доходили слухи о какой-нибудь проказѣ гимназистовъ, или видѣли классную даму поздно вечеромъ подъ-руку съ офицеромъ, онъ очень волновался и все говорилъ, какъ бы чего не вышло, а на педагогическихъ совѣтахъ онъ просто угнеталъ свою осторожностью и своими чисто-фут-лярными соображеніями, насчетъ то-го, что вотъ-де въ мужескихъ и жен-скихъ гимназіяхъ молодежь ведетъ себя дурно, очень шумитъ въ клас-сахъ, — ахъ, какъ-бы не дошло до начальства, ахъ, какъ-бы чего не вышло и что если бы изъ второго класса исключить Петрова, а изъ четвертаго Егорова, то было-бы очень хорошо. И что же? своими вздохами, нытьемъ, своими темными очками на блѣдномъ маленькомъ лицѣ, на-поминавшемъ хоряка, онъ давилъ всѣхъ и ему уступали, сбавляли Петрову и Егорову баллы по пове-

денію, сажали ихъ подъ арестъ и, въ концѣ концовъ, исключали. Его боялись не только учителя, но самъ директоръ. Пятнадцать лѣтъ этотъ человѣчекъ, ходившій всегда въ ка-лошахъ и съ зонтикомъ, держалъ въ рукахъ не только всю гимназію, но весь городъ: дамы по субботамъ домашніе спектакли не устраивали, боялись, какъ бы онъ не узналъ; духовенство при немъ стѣснялось покупать скоромное и играть въ кар-ты. Мало-по-малу, подъ вліяніемъ Бѣликова, стали бояться всего: громко говорить, посылать письма, знакомиться, читать книги, помогать бѣднымъ, учить грамотѣ...

V.

Мы не будемъ передавать ту лю-бовную исторію, которая приключи-лась съ Бѣликовымъ. Признаться сказать, она нѣсколько паржирована и потому мало правдоподобна. Эпизодъ же внезапной смерти его, послѣ того, какъ буйный товарищъ его, Коваленко, снустилъ его съ дѣст-ницы, нѣсколько грубоватъ и со-ставляетъ темное пятно въ разсказѣ, нарушающее гармонию его и худо-жественную мѣру и совершенно, по-моему мнѣнію, лишнее. Начать съ того, что Бѣликовыхъ мы слишкомъ боимся, чтобы позволить себѣ съ ними обходиться такъ неблагосклонно. Напротивъ того, мы относимся къ нимъ, изъ боязни за свое Драгоцѣн-ное существованіе, съ удвоеннымъ, порою подобострастными, вѣжли-востью и почтеніемъ. Мы готовы съ усердіемъ столкнуться съ дѣстницей скорѣе всего самого Коваленко, Бѣ-ликова же посадятъ въ передній уголъ подъ образа. Если же Бѣлико-вы, очень впрочемъ рѣдко, и паты-каются въ своей жизни на эпизоды, въ родѣ изображеннаго г. Чехо-вымъ, то послѣ нихъ они не только не умираютъ, а, напротивъ того, еще болѣе процвѣтаютъ, окружают-ся большимъ почетомъ и орденами, еще болѣе начинаютъ тяготѣть надъ всѣми окружающими и напо-нить на всѣхъ страху.

Впрочемъ, и то надо сказать, что Бѣликовы парятъ надъ всѣмъ окру-

живыми, не въ силу лишь одного навязаннаго ими умирія. Они представляются вовсе не какою-либо постороннею силою, давящею людей не нѣбующихъ съ ними ничего общаго, а лишь яркими представителями и выразителями того настроенія, которое, въ большей или меньшей степени, присуще я товарищамъ ихъ, и начальству, и подчиненнымъ и всѣмъ прочимъ согражданамъ. Тотъ страхъ, который они нагоняють на людей, уже заранѣе сидитъ въ сердцахъ этихъ послѣднихъ, а Бѣликовы лишь формулируютъ и обостряють его.

Въ самомъ дѣлѣ: разнѣ пресловутая фраза, которую при каждомъ новомъ явленіи, выходящемъ изъ уровня обыденной жизни и нарушающемъ мертвое прозябаніе города, — „ахъ, какъ бы чего не вышло,“ — не представляется главнымъ девизомъ всей нашей современной жизни. Девизъ этотъ преслѣдуетъ насъ отъ колыбели до могилы, на каждомъ шагу, не только въ общественной, но и нашей личной жизни. Онъ мѣшаетъ намъ жить полною человѣческою жизнью и свободно предаваться всѣмъ нашимъ высшимъ стремленіямъ и лучшимъ радостямъ жизни, дѣлать добро, любить, ненавидѣть, смѣяться и веселиться отъ всей души. Мы вѣчно о томъ только и помышляемъ, какъ бы замкнуться въ какой-нибудь футлярчикъ и съ ужасомъ смотрѣть на каждый свободный порывъ, на малѣйшій выходъ изъ свѣдѣй воздуха, изъ предѣловъ привычной намъ затхлой обыденности, повторяя съжогасно: „ахъ, какъ бы чего не вышло!“..

Какъ хотите, а личность Бѣликова является замѣчательнымъ художественнымъ откровеніемъ г. Чехова: однимъ изъ тѣхъ типовъ, которое, въ родѣ Обломова или Чичикова, вырывается собою изъ общую общественную среду или дуетъ своею прелестью.

А. Снабичевскій.

(Окончаніе, см. предыдущее).